

часто принимали за простодушие. Рассеянный чудака никогда бы не написал таких строк:

Возря на тьму неистовств сих,
На страшны действия людские,
На гнусность дел и мыслей их,
На их сердца и души злые,
Я человечества страшусь;
Сам человек, себя боюсь,
И тени страшны мне людские.⁵⁵

Он постоянно наблюдал за человеческими нравами, стараясь не упустить ни одного неожиданного поворота, ни одного интересного сюжета, которые подбрасывала ему жизнь. Он видел в людях больше, чем они могли предположить.

...часто мне приметить удавалось,
Хотя со мной самим того и не случилось...⁵⁶

Он думал о том, как уловить в повседневности жанровую сцену и тему будущей басни. В Париже он знакомится с французским живописцем Грезом и посещает его мастерскую, где внимательно рассматривает полотна, изображающие порой пугающую реальность человеческих отношений и человеческой натуры. В Люксембургской галерее долго стоит перед картиной Рубенса, восхищаясь точной передачей тончайших оттенков чувств и страстей: «Распятие, писанное Рубенсом во весь рост: Богоматерь в сокрушенном отчаянии по правую сторону, а Мария Магдалина по другую. Лица их изображены совершенными в сем страдании и такими, какими видится лицо, совершенно расплаканное, и коего черты совсем тогда изменены бывают» (381).

Басни Хемницера лишь внешне кажутся незамысловатыми. «Подражание природе», простота в творчестве и жизни были его осознанной позицией.

Кто все увертками и хитростью живет,
Скорее пропадет,
Как тот, кто все прямой дорогою идет.
(292)

Он очень ценил естественность в человеческих отношениях и спонтанность в проявлениях чувств. «Об одном тебя прошу, — писал он Львову, — Бога ради не теряй, если когда и в вышнем степени министра будешь, ту приветливость и развязанность души, которую ты имеешь. Тебе сказывать нечего, сколь полезно это для себя и для людей приятно. Куды как скверно быть букою! Однако это не

⁵⁵ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 183.

⁵⁶ Там же. С. 168.